

The background is a dark, atmospheric illustration. A man in a denim jacket stands on a wooden walkway with metal railings, looking up. In the distance, a couple is silhouetted against a bright light. A small, glowing red bus is visible in the bottom right corner. The overall color palette is dominated by blues, greens, and purples, with some warm yellow and red highlights.

Петр Ингвин
ИСТОРИИ,
пожалуй,
круче чем у вашего
браузера

Сборник рассказов

16+

Петр Ингвин
Истории, пожалуй, круче,
чем у Вашего браузера.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31256825
SelfPub; 2022*

Аннотация

В сборник вошли заставляющее плакать светлое «Такси Деда Мороза», переносящий в Одессу юмористический «Сын своей матери», оставляющее в задумчивости «Любить значит верить», провокационная «Цель», дерзкая «Перфекционистка», мудрое «Пробуждение», басня «Главное птичье правило», сказка «Вася и волшебники» и другие рассказы и миниатюры на взрослые и детские темы, от юмора до трагедии. Автор обложки – Галина Николаиди.

Содержание

Такси Деда Мороза	4
Сын своей матери	13
Микротрагедия «2020»	22
Перфекционистка	23
Девиз Деда Мороза	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Петр Ингвин

Истории, пожалуй, круче, чем у Вашего браузера. Сборник рассказов

Такси Деда Мороза

– С площадки на входе в парк имени шетипяти... шестидесятипятилетия...

– С «пяточка»?

Из рации дохнуло облегчением:

– С «пяточка» забрать и отвезти домой слепого. Последний заказ в этом году.

– Слепой – в парке один среди ночи? – буркнул Эдик. – Шикарно. Я вчера смотрел фильм про маньяков...

Он выкрутил руль влево, машина развернулась поперек присыпанной снегом сплошной полосы: разметка не видна, ни один гаишник не докопается. И какие в такое время гаишники? Вот к утру, когда с гулянок потянутся домой подвыпившие...

– Постоянный клиент, – сквозь треск перебил голос из рации, – отвозим на «пяточок» к нолю часов по пятым пятни-

цам месяца и в ночь на субботу забираем.

– Для справки: в месяце четыре недели.

– Иногда пять. Посчитай: если тридцать первое выпало на пятницу...

Эдик оборвал:

– Заказ принял.

«Последний в этом году» по выражению диспетчера. Еще бы, до Нового года – десять минут. А настроение – не праздничное, несмотря на круговерть огней, людей и красок. Еще один год прошел зря. Каждая новая купюра в кармане шуршит: «Ну что? Стал счастливее?» На борту снаружи написано: «Такси Деда Мороза, привозим счастье». Хозяевам бизнеса и чуть-чуть водителю – да, если мерить счастье деньгами. Деньги не главное? А что главное? Пусть покажут счастливого без денег, посмеемся вместе.

По случаю праздника желтое такси украсили надписями и мишурой, водителям раздали колпаки а-ля Санта Клаус. Дескать, дарим людям радость – позволяем попасть в нужное место в часы, когда люстры, вспоминая былое, с испугом косятся на шампанское. А то, что условия оплаты напоминают грабеж – это издержки производства, отрывка рыночных отношений.

Улицы пустели на глазах. Заиндеветший клиент выглядел горкой снега на занесенной скамье, перемигивание гирлянд окрашивало его в разные цвета, тросточка превратилась в белый посох.

– Оленью упряжку заказывали? – В распахнутую дверь во-
рвались клубы колючего тумана.

Слепой не двинулся с места.

– Полночь? – Незрячие глаза глядели вдаль.

Шапка-ушанка и брови мужчины пушисто искрились, пу-
ховик задубел и покрылся ледяной коркой. Давненько сидит.

Слепцы у Эдика ассоциировались со стариками, что не вя-
залось с увиденным: сложив руки на коленях, скамью пону-
ро занимал молодой мужчина, лицо выглядело почти юным,
впечатление портили несколько шрамов и мертвенная непо-
движность взгляда.

– За пять минут домчу, успеете встретить с родными.

– На каком свете? – Клиент оказался с юмором. – Про-
стите, но я смогу выехать не раньше, чем через пять минут.

Первое впечатление рассеялось. Эдик шумно выдохнул и
медленно досчитал в мозгу до десяти.

– Сейчас куранты пробьют, у людей праздник, а у меня
работа. – Не потакая требующим выхода непечатным оборо-
там, он проявлял чудеса учтивости. – Или вы сейчас же са-
дитесь в машину...

– Прибавьте к сумме, сколько нужно. – Клиент вновь не
повернул головы.

– Будет не пять минут ожидания, а год, если по календарю.
Не расплатитесь.

– Тогда не смею задерживать.

– Кого-то ждете? – предположил Эдик. – Женщину?

Должна прийти до двенадцати?

Сказал и осекся. Не «должна», а «может», диспетчер сказал «постоянный клиент». Сколько же слепец провел здесь своих пятниц?

– В сети искали? – спросил Эдик.

Обреченность, с которой человек махнул рукой, сказала больше самого развернутого ответа.

Столько времени упорно ждать свою «ее»... Смог бы Эдик так же? А Эдика – его «она»?

– Расскажите о ней, – попросил он, заперев машину и при-
мостившись по соседству.

Живой сугроб пожал плечами, движение вызвало хруст, словно под рыбаком проломился лед.

– История банальна. По пятницам и субботам нечетных недель я подрабатывал в парке продавцом – такой странный график ориентировался на сменщика, по-другому тот не мог. В одну из пятых пятниц это случилось. Мы познакомились здесь. – Взвив снежный вихрь, рука соседа стукнула по скамье. – Знаете, так бывает: увидишь человека и понимаешь – твой человек. Жизнь делится на до и после – на прошедшее в бесплодном ожидании и то, без чего дальнейшее теряет смысл. Она приехала поступать из другого города, я учился здесь. Не поверите, мы даже имен не спросили. Мы смотрели в глаза, в которых обнимались души, и говорили о ерунде. Имена, телефоны, контакты, как мы думали, можно узнать потом. У нас не оказалось «потом». Помните взрыв

в троллейбусе?

– Теракт?

Слепой кивнул.

– Меня грузили в одну «Скорую помощь», ее в другую. Оба захлебывались в крови и не могли шевелиться. Я прохрипел с носилок: «Пятачок, пятая пятница, буду ждать всегда». Затем были больницы, операции, длительное восстановление... Меня зашили и поставили на ноги, а зрение сохранить не получилось. По моей просьбе знакомые разместили в сети объявление, они долго искали по описаниям, но все, что выяснилось – среди погибших девушка с такими приметам не значилась. С тех пор я прихожу сюда четыре раза в год, иногда пять – в месяцы, в которых пять пятниц. В жару и в метель. С полуночи до полуночи. Собственно, все.

– Столько лет... и все равно надеетесь?

Слепой промолчал.

В нос летели снежинки, хотелось чихнуть. Наконец, над головами громыхнуло, затем еще раз, и салюты слились в сплошную канонаду.

– С Новым годом, – сказал Эдик.

– И вас. Никого поблизости не видите?

Со вздохом, который лучше слов обрисовал вид вымерших улиц, Эдик помог клиенту разместиться в машине.

Мотор всхрипнул, въезд в парк с труднопроизносимым названием исчез позади. Вокруг все переменялось. Город взорвался столпотворением. Почти на каждом перекрестке

сверкали елки, вокруг ликующе вопил и прыгал высыпавший из подъездов народ. Искры бенгальских огней воевали с фейерверками за право принести больше радости.

Вот вам и «везем счастье». Эдик едва не сплюнул. Конечно, не замерзнуть насмерть в Новогоднюю ночь тоже неплохо. Пусть и не предел мечтаний. «Такси Деда Мороза» не оправдывало названия, а изменить что-то было невозможно.

Нужный адрес оказался на окраине, в частном секторе. У калитки покосившегося домика клиент вышел.

– Простите, что испортил вам праздник. Возьмите, сколько нужно.

В сторону машины раскрылся веер некрупных купюр.

Инвалид на пенсии, а еще ездить и ездить – каждую пятую пятницу... Обменяв сотку на две смятые тысячные из сегодняшнего заработка, Эдик пробормотал:

– Это сдача. Подождите минуту.

Пальцы настучали в смартфоне: «Пятачок, пятая пятница». Вылезли десятки ссылок на группы родственных слов, проверочных, однокоренных... затем реклама, клубы, фильмы, телеканалы, мультфильмы, снова клубы...

Слепой отреагировал на плачущие звуки:

– Спасибо. Вдруг у вас рука легкая.

Далеко-далеко, на сотых страницах, встретилось его объявление. Слепого звали Вячеслав. Аналогичного объявления не нашлось.

В застывшем лице Вячеслава будто свет отключили: окон-

чание процесса он почувствовал интуитивно. Как и результат, вызванный молчанием. Обстукивая тросточкой протоптанную тропку, понурая фигура удалилась во тьму.

В салоне надрывался голос диспетчера:

– Ты меня слышишь? Поздравляю с первым заказом в этом году, хватай, пока не перебросил другому: улица Ле...

Эдик отключил рацию. Вместе с тишиной обрушилась слепота: краски размылись, огни погасли, через кожу в сердце вползла пустота. Белая, но быстро посеревшая, пустота двигалась как живая, но была мертвее мертвой. Она подвешивала в невесомости, облизывала ледяным языком и, в конце концов, превратилась во всепоглощающе-черную – снаружи и внутри. Эдика будто не стало. А был ли он? Как доказать? И кто он такой – не по паспорту, а по жизни? И жизнь ли это? Зачем пустоте дают паспорт?

В зеркале мелькнул хвост колпака, свисавшего с головы.

Это знак. Красная тряпка разбудила быка, тот ударил копытом и помчался на раздражитель. Шапка Деда Мороза. По Сеньке ли шапка?

Пальцы безостановочно бегали по экрану. Никто не мешал. Потерявшись во времени, сердясь на себя, взнуздывая фантазию и смекалку, Эдик пробовал разные варианты: все виды пяточков, пятниц, пятерок, и...

Боясь поверить, он медленно откинулся на подголовник.

Объявление. Разница – в одном из главных слов. Оно вызвало сбой при первом поиске.

Эдик набрал указанный внизу номер:

– С Новым Годом. Ольга? С вами говорят от имени Вячеслава, который... С чего вы взяли?! Жив. Извините, что напугал. У него проблема, после того случая он потерял зрение. Он по-прежнему вас любит, ищет и ждет. Что? Простите. Понял. Думаю, ему не важно. Да-да, хорошо.

Даже бежать не пришлось: хорошо ориентируясь в расчищенной части двора, Вячеслав возвращался.

– Слышу, вы не уезжаете, – начал он. – Я проверил, вы мне сдачу дали неправильно, это ва...

– Вячеслав, у Ольги не восстановился позвоночник, – выпалил Эдик. – Она не хотела навязываться, думала, что, если вы живы, без нее ваша жизнь сложится лучше. И все равно Ольга ждала вас год за годом так же, как вы ждали ее. Примерно раз в полугодие, как диктовал календарь, ее привозили на машине, которая до позднего вечера стояла напротив входа в парк. Но вы друг друга не поняли. Вы никогда бы не встретились. Ольга услышала «Пятачок, пятое, пятница» и приезжала в каждую из пятниц, выпадавших на пятые числа. Недавно Ольга все же разместила в сети весточку, и сейчас...

Протянутый телефон вырвали из рук Эдика, ориентируясь на голос из трубки.

Трудно вынести, когда плачут мужчины. А когда они плачут от радости...

У Вячеслава дрожали ноги. Эдик помог ему опуститься на

сиденье, сел на водительское и осторожно тронулся с места.

Влюбленные разговаривали, а машина летела по пустой трассе. Адрес был в объявлении. Да, соседний город. Да, далеко. И что? Когда машина подъедет, Ольга увидит надпись по борту. Или не увидит. Неважно. Эдик улыбался. Упущены заказы, для фирмы потерян постоянный клиент, потрачены время и бензин, даже уволить могут... а душа пела.

Оказывается, везти людям счастье – это и есть счастье.

Сын своей матери

Двор замер в предвкушении. С тех пор, как во флигеле поселились Сидоровы, редкая неделя проходила без концерта. Что раньше показывало кино, теперь разносилось под свинцовым небом Севера, словно Одесса переехала с Черного моря на Белое.

О скором начале спектакля сообщали распахнутые створки окна, в котором курсировала взад-вперед Роза Марковна. Она готовила речь. Пучок иссиня-черных волос почти задевал потолок пристройки, цветастое платье подчеркивало худобу и пело некролог юности, в которую стремилась душа, но вернуться в беззаботность которой не позволяли семья и годы. Красота, в свое время сразившая Сидорова-старшего, еще влекла взоры, но уравнивалась изможденным изломом губ, сварливым настроем и вечно недовольным взглядом. Розе Марковне, как и главе семьи, было чуть за сорок, но апломб в узнаваемом всем городом голосе звучало минимум на шестьдесят, причем депутатских. И с мнением о том, кто именно глава, она бы убедительно поспорила.

С трех сторон двор охватывала клешня побитых временем пятиэтажек, с четвертой не сдавался плану застройки бревенчатый дом, заставший еще царя, пусть и не лично, а временем сосуществования. Слева к обветшалой стене притулилась щитовая пристройка, у нее имелся собствен-

ный, обнесенный палисадом, дворик, внутри которого сверкала намытыми боками недавно приобретенная Лада – единственное достояние Сидоровых, если не считать совместно прожитых лет. Пристройку, где обосновались Сидоровы, в народе красиво называли флигелем – новым словом в суровом северном крае.

С некоторых пор флигель стал центром культурной жизни городка, в котором не было даже кинотеатра. Сгущался вечер короткого лета, с моря несло йодом и пронизывающей сыростью, но горожане не расстраивались – все говорило о том, что день пройдет не зря. Зрители заранее занимали места на лавочках у подъездов, а в квартирах приглушали звук телевизоров, чтобы не пропустить начала «концерта».

Когда в промежутке между домами показались две возвращавшиеся из магазина фигуры, Роза Марковна встала наизготовку, как ведущая ток-шоу перед прямым эфиром: взгляд сосредоточился, а руки, сжавшиеся в кулаки, опустились на подоконник, будто на руль огромного мотоцикла.

Таймер начала представления отсчитывал последние секунды тишины.

Мужчина и подросток ни о чем не подозревали. Каждый держал по объемному пакету с продуктами, оба чему-то смеялись. Сидоров-младший, в следующем году заканчивавший школу, внешне походил на мать – такой же худой, высокий, чернявый. Сидоров-старший, соответственно, являл противоположность жене и сыну: светлые волосы безуспешно бо-

ролись с наступавшей пустыней, а роскошное брюшко через год-другой грозило избавиться от ласкательно-уменьшительного звучания. Занятые разговором, отец и сын прошли за калитку, и у стоявшей во дворе машины их накрыло знакомым голосом:

– И здрасьте вам, идет, мишигене недоделанное, паралич тебе зибен мозгес. И знаете, какой он фортель выкинул? Тут такой цорез, что балконом по темечку пошло бы за райскую благодать по сравнению с этим известием.

Острые речи направлялось на мужа, но обращалась Роза Марковна одновременно и к нему, и ко всем, кто в силу вовлечения в процесс был обязан, по ее мнению, встать на защиту поруганной добродетели. Не сразу улавливалось, кому она говорит в каждый конкретный момент, это становилось понятно позже, из контекста.

– И как вам это нравится? Когда надо, он без мыла в тухес пролезет, а сейчас посмотрите – имеет припереться до меня чистый ангел, только крылышки в другом месте. Прикинулся шлангом, выпятил свой курган над могилой павшего героя и думает, что одной уксусной физиономии на морде лица таки достаточно, чтобы собрать порванное на кусочки сердце родной жены.

Как обычно в таких случаях Роза Марковна «включила маму». Ее мама, Софья Соломоновна, недавно приезжала в гости, город помнил. Пусть о визите не сообщали в новостях, но на кухнях обсуждали до сих пор, приезд Сидоровой те-

щи стал событием городского масштаба. Недельку пообщавшись с горожанами, Софья Соломоновна в равной степени обогатила лексикон местных гопников и интеллигентов, отчего теперь их легко путали, если костюм не соответствовал заявленному статусу. Не признававшая авторитетов гопота с удивлением узнала, что наименование она получила от Одесского ГОПа – городского общества призрания. Нежданчик произвел фурор, и Софью Соломоновну неформально возвели в ранг почетного жителя, пообещав не трогать, даже если среди ночи она пройдет по улице в кольцах и золотых серьгах.

После отъезда Софьи Соломоновны поток словесных изысков Розы Марковны резко возрос и превратился в рог изобилия, будто в него вдохнули вторую жизнь, а для разгона смазали скипидаром. Сейчас в ожидании новой порции в домах открылись окна и форточки; жители квартир, что выходили окнами на другую сторону, заняли позицию на балконах и детской площадке, несколько человек подтянулось из соседнего двора.

Мужчина и подросток остановились около машины. Идти дальше не имело смысла: пока Роза Марковна не выговорится, не спасут ни бегство, ни взывание к здравому смыслу. Чувство собственного достоинства у Розы Марковны вырождалось альтернативно общепринятым понятиям и не всегда понималось даже членами семьи. Скандал на полгорода с ором и перетряхиванием семейных тайн Роза Марков-

на относилась к средствам воспитания и, как догадывались горожане, развлечения. Оба Сидоровых – старший и младший – знали, что торг или капитуляция на условиях победителя возможны не ранее, чем закончится взывающая к совести обличительная часть. И, в любом случае, пока речь не высказана до конца, дверь в дом не откроется.

Роза Марковна вещала как жрица ацтеков на пирамиде перед человеческим жертвоприношением: взгляд горел кровожадностью, взвившиеся к небесам руки умоляли высшие силы обратить внимание на взывающую и посылить оградить от подлости и ничтожества тех, с кем приходится жить.

– Говорила мама, что судьба слепа, и с такой фамилией Сидорову Розу ждет тот же гембель, что Сидорову козу. И что мне было не послушать родную маму?

Тема концерта еще не вскрылась, зрители переглядывались: вечер обещал что-то новое. Обычно Сидорову-старшему доставалось за то, что испортил жизнь и похитил лучшие годы. В таком случае виновник кивал, пошатываясь, поскольку ответить внятно не мог по техническим причинам, кои вызывал одноименный с причинами спирт – его бесплатно выдавали на производстве для протирки аппаратуры. А Сидоров-младший становился объектом оральной терапии, когда утаскивал деньги, рвал одежду или где-то пропадал, вместе с телефоном отключив «сострадание к умирающей от волнения родной маме, которая все морги и больницы обзвонила». Последнее представляло не больше, чем красивую

фигуру речи, поскольку в городке они являлись единым и единственным заведением.

Сегодня старший Сидоров стоял прямо, младший выглядел достойно, и причина концерта оставалась загадкой.

– Сидоров, не делай форшмак из моих нервов, с тобой разговаривать – нужно объесться гороховой каши. Оно мне надо?

Сцена затягивалась, а смысл не прояснялся. Не выдержав, Сидоров-старший поднял лицо к окну:

– Роза, да что случилось, в конце концов?

– И этот гомик-сапиенсик спрашивает, что случилось. И кого спрашивает? Меня спрашивает, чмурик малахольный. Дыши носом, поцадрило чиканутый, клиент сотой бригады. Думает, что сделает полный рот фалов, подарит Розочке розочки, и родненькая Роза растает, как китайские носки под утюгом, и забудет, как на ее жизни сплясали коровяк. Да чтоб ты был так здоров, как делаешь мне счастье. Нет, только представьте, а лучше не представляйте: решила у машины сделать чисто и таки нахожу под сиденьем грязную резинку, и не подумайте, что от трусов. Лучше бы трусы нашла, остался бы шанс для поговорить за превратности бытия. Но этот хосэ-аркадио тихо-мирно отаврелианил там какую-то ремедию, но вознестись вслед позабыл, шлемазл задрипанный, и теперь – посмотрите на него – съежился до размеров цуцика на морозе, и это чмо лохматое имеет наглость спрашивать, что случилось.

Сын покраснел. Все же наполовину он был Сидоров, и причуды половины с фамилией Раппопорт нервировали его не меньше, чем Сидорова-старшего. Стоя плечом к плечу с отцом, он встрял в разговор:

– Мама, уймись. Может быть, папа не виноват.

К родительнице сын обращался уважительно, но на ты. В этом он тоже был больше Сидоровым, чем Раппопортом.

– Ой, я тебя умоляю, – принеслось из окна. – Пусть он такие дешевые мансы бабушке рассказывает.

– Не лезь, сынок, – тихо сказал Сидоров-старший, – мама у нас Паганини скандалов, ей не интересно, что говорят другие, ей интересно самой говорить.

У Паганини оказался отличный слух.

– Ты посмотри на него, открыл свой фирменный рот на ширину плеч. Так ты скажи, если найдешь, что сказать за этот случай, и будешь иметь, что послушать.

Сидоров-старший не отказался.

– А ты не думала, что твоя находка от старых хозяев осталась?

Зрители воодушевились и зашумели: хорошая версия, машина куплена как бывшая в употреблении, и мало ли в каком качестве ее употребляли раньше.

Поднявшийся рейтинг мужа заставил Розу Марковну грозно переставить руки на бока.

– Слушай сюда, выпускник школы номер семьдесят пять. Последний раз я там смотрела, когда ихние кинды трусили

ковры, – последовал кивок на соседскую жилую часть, – это было в понедельник, и кроме киндов, ковров и понедельника в тот день таки ничего не было. Хватит морочить мою полуспину, одень глаза на морду и думай теперь за свое светлое будущее.

Налившуюся злостью речь перебил голос Сидорова-младшего:

– Мама, перестань ругаться на папу, он вполне может быть ни при чем. Тогда ты будешь выглядеть глупо.

– Ой, я тебя прошу, – отмахнулась Роза Марковна, – не делай мне смешно.

Зрители ждали развития интриги. Серьезность обвинений давно разрушила бы любую другую семью, однако здесь главный посыл речи – «что мне за это будет?» – четко угадывался всеми. Роза Марковна привычно «делала гешефт». Каждый концерт в итоге давал ей что-то в материальном или бытовом плане. Сын исправлялся отметками и уборкой квартиры, муж – покупками вещей и походами в ресторан.

Сегодняшние обвинения вышли за рамки прежних, которые казались теперь наивными и по-детски безобидными. Среди зрителей начались споры: что Роза Марковна потребует за невероятный прокол? Раньше грозились выгнать, теперь самое время выгонять, но тогда в чем смысл закатывать сцену перед посторонними?

Сидоров-старший опустил лицо, кусание губ и играющие желваки сопровождали работу мысли.

И тут произошло невозможное. Сын-старшекласник опустил взгляд и процедил:

– Мама, хватит. Под сиденьем было мое.

В телерепортажах это называют эффектом разорвавшейся бомбы. Двор погрузился в тишину. Только на соседней улице кто-то стучал молотком, и где-то лаяла собака.

Роза Марковна сокрушенно опустила руки.

– Э-э... да? Масик, кто же знал? – Она с минуту помолчала, что явилось событием одного ряда с Тунгусским метеоритом и зарождением жизни на Земле. – Вот так, мальчик вырос, а родная мама не заметила. Одно слово – сын своего отца. Чего встали, когда на улице такой зусман, идите ужинать, жидкое стынет.

Окно захлопнулось.

Бурно обсуждая новости, зрители потянулись по домам. Сидоров-старший, прежде чем двинуться, шепнул младшему:

– Спасибо.

Сын на миг замер, глаза расчетливо сощурились.

– Сочтемся, пап. – Сидоров-младший любовно погладил блестящий борт источника конфликта. – Надеюсь, в этой теперь *моей* машине такого больше не повторится?

Микротрагедия «2020»

Он любил петь хором. Она любила летать по ночам. Однажды их взгляды встретились и судьбы слились. Он пришел со смены, она его встречала, они любили друг друга. Он был счастлив. И она была счастлива. Они не представляли жизни друг без друга.

Все изменил карантин. Они разошлись. Они оказались очень разными. Он любил петь хором. Она любила летать по ночам.

Послесловие. Сюжет навеян телевизором. Сам автор категорически не понимает, как обстоятельства могут сломать любовь, если она настоящая.

Перфекционистка

Собранная со стула и пола одежда всей охапкой отправилась в шкаф. Мусор – под диван. Веник с совком – для ускорения процесса – туда же. Впервые встретились в одной стопке книги, на которые не хватало времени. Беспорядок, царивший в комнате до звонка Алины, на глазах исчезал из картины мира вместе с планом до ночи мурыжить автореферат диссертации. Все еще кандидатской. А чуть обогнавший в возрасте брат Ярослав в свои тридцать два защитил докторскую. Уже доцент. Со дня на день станет профессором. Еще он блестящий оратор, красавчик и душа компании. Тьфу. Нельзя быть столь безупречным. Робот с телом пловца и мозгами суперкомпьютера – как жизнелюбивой Алине с таким жить? Виктор знал, убежденный трудами классиков: личностью делают не достоинства, а недостатки.

Впрочем, Алина тоже идеальна внешне и внутренне, истинная Мисс Совершенство. Любопытно: что у двух совершенств могло случиться в ночь перед свадьбой? Поссорились? Она уходит от Ярослава? Уходит к нему, к Виктору?

Мечты, мечты.

Пылесос выводил арию лесопилки, в ванной билась в припадке стиральная машина, но Виктор не слышал. В голове звучал короткий телефонный разговор – бесконечно повторяемый, закольцованный с конца в начало:

– Ты один?

– Да.

– Скоро буду.

Алина не поинтересовалась, есть ли у него кто-то сейчас. Даже не поздоровалась. Виктор не жаловался. Увидеть Алину – счастье. Увидеть после того, как брат перестал общаться, не удостоив даже приглашением на свадьбу, – больше, чем счастье. Нечто выше. Названия чему еще не придумали.

«Ты один? – Да. – Скоро буду». Ух. Нет слов.

Алина была идеальна от золотой (в смысле цвета и сообразительности) головы до кончиков ногтей. Мучимая в спортзале фигура заставляла прохожих оглядываться, а дразнящая походка – спотыкаться. Вопреки расхожему мнению, ум природной блондинки соответствовал красоте, а мысли, что высказывались редко, но метко, – влекущим обводам. Васильковые глаза поражали глубиной, затагивали в омут чувственности, а там утопшего добивало веслом интеллекта.

Сначала пришедшая после университета ассистентка работала с Виктором. Он боролся за внимание, ухаживал, уламывал, умолял... Не получилось. Они были разными: Виктор жил настоящим, Алина – мечтами. Она с детства ждала идеала. Идеал нашелся. Обидно – Виктор сам их познакомил, хотелось произвести на девушку впечатление достойным братом. Получилось. Ярослав забрал сногшибательную сотрудницу на свою кафедру. Через пару месяцев Алина переехала к Ярославу.

С тех пор прошел год. Виктор не женился. Даже подружку не завел. Не мог. Болезнь «Алина» сковала мысли и желания. Чутьочку полегчало, когда объявили о помолвке.

Алина и Ярослав – чудесная пара. Про таких говорят – перфекционисты. У них все по высшему разряду, все как надо – слова, действия, планы. Будущих племянников уже жалко, их с пеленок будут пичкать самым лучшим и дорогим – от марки памперсов до учебного заведения, которое подберут задолго до получения аттестата.

Брат не сомневался, что Алину с Виктором связывала не только работа. Смешно, но Виктор полжизни отдал бы за то, чтобы это было правдой. В бытность ассистенткой Виктора Алина, соглашаясь на походы в кафе и в кино, не допускала даже поцелуев. Ярослава, к сожалению, разуверить не удалось, и между братьями будто черная кошка пробежала.

Звонок в дверь заставил вздрогнуть, взгляд на часы – усомниться. Откуда бы Алина ни добиралась – слишком быстро. Может, не она? Уборка только вышла на финишную прямую, Виктор не успел привести в порядок ни комнату, ни себя. Как был, в халате поверх голого тела, он прошлепал к двери. В зеркале прихожей мелькнул мутный двойник, ступни ощутили грязь коврика. Виктор приник к глазку.

С той стороны глядели необычайно светлые глаза с поволокой. Алина. Напряженное лицо, решительный взгляд, прикушенные губы... Ниже – скромное декольте над нескромным содержанием и теребящие сумочку нервные пальцы.

Безукоризненную фигуру обтягивало красное, до пят, вечернее платье. Голову венчала необычная прическа. Сказочная принцесса явилась на бал покорять принца.

Покорять не требовалось. Виктор бездумно отпер, только тогда сообразив, что голые ноги и стянутый пояском единственный предмет одежды как бы намекают...

Щеки бросило в жар.

– Не ждал так рано. – Извиняющимся жестом он указал в комнату, оккупированную пылесосом. – Проходи, я переоденусь.

Алина протиснулась мимо него, Виктор закрыл дверь и шагнул в сторону ванной. Пытался шагнуть. Девичьи руки перехватили его за плечи и обернули к себе.

– Я ненадолго, такси ждет. Ты один?

Виктор тупо кивнул. На большее не хватило сил. Смысл, тон и взгляд подразумевали...

Но это невозможно!

– Никто не должен прийти? – упал следующий вопрос.

Виктор отрицательно помотал головой.

Они стояли во тьме прихожей. Ни один из них не захотел включить свет. Ни один не шелохнулся. Только взгляды – застрывшие друг на друге, неотрывные, пронзительные. Только полыхавшее во взглядах безумие. Сумочка Алины тихо опустилась на пол. У Виктора поплыло перед глазами, дыхание перехватило, сердце забилося в режиме боевой тревоги, что пахла блаженством и неприятностями. И пусть грозят

неприятности. Пусть мир летит к чертям. Взлетевшие руки сами собой оплели гостью. Прижали. Замерли. Лицо зарылось в щекочущие волосы.

Ответные объятия сомкнулись на его шее. Это было невозможно, но было.

Ни о чем не хотелось думать, но как не думать? Что-то же случилось, если в ночь перед свадьбой...

– Ты уверена? – спросил он для очистки совести.

Алина кивнула. Она всегда знала, что и зачем делала. Если что-то происходит – риски оценены, плюсы-минусы сведены в сальдо, итог признан рентабельным.

Впитанная телом фигурка высвободилась, на ладонь Виктора лег квадратик из фольги, где прощупывалось мягкое кольцо.

Не то чтобы Виктор настолько любил Ярослава, но Алина – девушка брата. Завтра может стать женой. Что-то явно произошло.

– Почему ты здесь? – глухо спросил он.

– Мне это нужно.

– Он изменил тебе? Хочешь отомстить?

– Глупости. Если бы изменил, я уже ехала бы к родителям. Ярик не может изменить. Он... Да что же такое, что мы, вообще, обсуждаем? Говорю же, машина ждет. Нужно успеть, пока меня не хватились.

– Девичник?

– Да.

– А Ярослав?

– У него мальчишник. Не теряй время.

Нежные пальцы развязали пояс на халате Виктора.

Слова больше не требовались. Сумбурно произошли два одновременных процесса: пока вынудое из фольги раскатывалось, подхваченное снизу платье в противофазе взмывало к пояснице. Алина повернулась спиной. Одной ладонью она уперлась в дверь, второй придерживала платье, собранное выше талии. Открылось ничем не прикрытое чудо, о котором грезилось, но о реальности которого даже не мечталось.

– Девичник... – Организм требовал погружения в счастье, но Виктор медлил. – Завтрашняя свадьба не под сомнением?

– Сплюнь. Это мечта жизни, и она осуществится, даже если Луна упадет на Землю – если не прямо на голову. – Алина нетерпеливо взбрыкнула серединой. – И если ты сейчас же не начнешь...

Виктор не узнал, что будет в противном случае. Он «начал».

Тела дернулись, пробил сладкий электрический разряд. Словно открылись врата в мир, где время и чувства живут по другим законам. «Она совершенна», – витало в оставшейся вмняемой части мозга.

А сам Виктор? Бледная тень брата, недокандидат наук, вместо денег и признания к тридцати годам заработавший только сутулость и осень на голове. Почему же Алина сейчас здесь, с ним?

– Вы поругались?

– С Яриком нельзя поругаться. – Алина впитывала удары, как пляж океанские волны, уложенная прическа приказала долго жить, витые пряди свалились и размеренно колыхались. – Он понимает с полувзгляда, чувствует состояние, мысли и желания. Я купаюсь в неге и восхищении. В целом мире мне нужен только он один. Мой Ярослав.

– Если он настолько идеален...

– Он почти идеален, – поправила Алина.

– Почти?

– Поэтому я здесь.

– Проблемы в постели?

Если Алина пришла за добавкой или новым опытом... Чего же не давал Ярослав – нежности? Жесткости? Длительности? Размера? Буйства фантазии? Разнузданности и наплевательского отношения к чувствам партнера или, наоборот, мазохистской покорности?

– В постели он ангел. – Обернувшись, насколько позволила анатомия, Алина закатила глаза – не от ощущений, что обидно, а от воспоминаний. – И бес. По очереди и одновременно. Когда мы вместе, я улетаю в космос, я кричу и реву, я рву простыни и царапаю мебель. Он единственный, кого я хочу, и быть с ним – единственное, о чем мечтаю.

– Значит, быт заел? – догадался Виктор.

Думал, что догадался.

– Ярик бросается на помощь, едва увидит, что я за что-то

взялась. Когда отгоняю – настаивает, ходит кругами, грозит нанять домработницу. А мне не нужно! Есть обязанности сугубо женские, которые нельзя доверить мужчине. Вот это, – она пошевелила разносимым вдрызг богатством, в котором с боков увязли пальцы Виктора, – со временем меняется не в лучшую сторону, красота блекнет, а женщине нужно оставаться для мужчины необходимой. Чтобы он не представлял жизни без моего присутствия рядом. Я воюю с Яриком за право делать по дому как можно больше, но когда мы чем-то занимаемся вместе... это лучшие часы жизни.

– Тогда ничего не понимаю.

Алина отвернула лицо, ее поза проиллюстрировала оставшееся произнесенным: «И не надо».

Разговоры разговорами, а движения не прерывались. Партнерша стойчески выносила любовь не того, чью идеальность декларировала. Может, не настолько брат идеален? Не зря Ярослав ревновал к Виктору. Будто предвидел. На последней встрече он высказал с пренебрежением: «Посмотри на имена. Алина и Ярослав. Тем, что находится между А и Я, можно описать все, внутри заключена Вселенная. Между вашими А и В – только Б». Сказанное выглядело плевром в душу, но Ярослав, как всегда, был прав.

– Ты же любишь его. – Ощущения заставляли сердце Виктора биться люстрой об пол, и только разговоры сбивали накал. – Любишь так, что при выборе «он или все остальное» даже не задумаешься. Почему же?

– Потому что он – единственное, что есть, что было и что будет. Ради него все отдам, на все пойду. Он – мои потрясающие восходы и до изнеможения сладкие закаты. Безоблачные дни, не повторяющие друг друга, и «ночи, полные огня». Мой редкий лед и частый жар. Обнимать его – держать в руках весь мир. Любить Ярика – это обрести смысл жизни.

Приторные фразы пролетали мимо ушей, Алина говорила искренне, но говорила не о том.

– Ревнует к каждому столбу? – шумно дыша, выпихнул из горла Виктор.

– Никогда. Я не даю повода.

Это так. Проще экскаватор заставить летать, чем раскрутить Алину на маленькое удовольствие. Тем непостижимее происходящее. Но больше не хотелось ни говорить, ни думать – только чувствовать. Только двигаться. Только наслаждаться моментом. Виктор ушел в ощущения, с головой окунулся в их вкус, цвет и аромат, утонул в них... Цепная реакция снесла последние барьеры, прихожую сотрясло рычание, перешедшее в вой дикого опустошения.

Виктора с силой отпихнуло, Алина распрямилась освобожденной пружиной.

– Мне пора.

– Когда? – спросил он. – Когда увидимся еще раз?

– Никогда. Я приходила из-за Ярика. – Алина умолкла на миг, вести беседу и одновременно изворачиваться всем телом, возвращая обтягивающую ткань на место, оказалось

сложно. – Он не верил, что у нас с тобой ничего не было.

Виктор включил свет, чтобы Алина привела себя в порядок.

– Спасибо. – Она сосредоточенно покрутилась перед зеркалом и достала расческу. – Ярик всегда просчитывает на сто шагов вперед. Он знает все. Не было случая, чтобы он был неправ. – Вернув прическе приемлемый вид, Алина огладила платье и еще раз придирчиво оглядела себя. – Ярик не переживет, если поколебать эту уверенность. Факт, что между мной и тобой ничего не было, означал, что мой мужчина ошибся. Если ошибся в одном – есть вероятность, что ошибается в прочем. Мироздание рухнет и погребет Ярика под обломками. Он не сможет быть прежним. Начнет сомневаться во всем. Станет как все. – Виктора коснулся прощальный поцелуй в щеку. – Я не могла этого допустить.

Дверь открылась, Алина сказочным видением выпорхнула наружу. Уже на площадке она обернулась и закончила со счастливой улыбкой:

– Теперь он идеален.

Девиз Деда Мороза

Суставы предсказывали погоду лучше умников из телевизора, дружба с тростью давно представлялась ногам разумной идеей, а душа по-прежнему мечтала о чуде. Увы, сидящая голова знала, что чудес не бывает. Затянувшееся ожидание начала чего-то светлого неотвратимо превращалось в ожидание конца. Кого выбрала моя Лялечка, девица-краса, на которую заглядывались лучшие люди города? Непутевого Гришку-Исусика, подвинутого на религии. Я возражала, даже не пришла на свадьбу. С тех пор дочка и зять живут отдельно, в далеком городишке, куда Гришку отправило служить церковное начальство. Рождение внучки ничего не изменило. Я ждала, что Лялечка одумается, вернется, и у нас начнется нормальная жизнь, но... «Религия – опиум для народа». Засосало по самое не балуй.

Лялечка устроилась воспитателем в детский сад, я следила за ней и внучкой издалека. Так прошло долгих восемнадцать лет. Когда Лялечки не стало – сказались последствия тяжелых родов – я работала в составе ООНовской делегации, металась между Женевой и Нью-Йорком с судьбоносными для планеты проблемами. Приехать на похороны не получилось, иначе карьера полетела бы к чертям. Но она и так полетела, спровадили меня на пенсию, едва позволил возраст. А что делать на пенсии? Кошку завести и цветы разводить?

Не мое это. Думаю: надо Варьку из захолустно-ритуальных дебрей изымать, пока наш святоша ее в монашки не определил. Мне правнуков увидеть хочется. Не сейчас, конечно, а в принципе.

Новый Год – идеальная дата. В полдень тридцать первого декабря я выехала в аэропорт из пораженной предпраздничной лихорадкой столицы. Подарки, каких сроду не видели в обреченном на штурм захудалом городишке, заполнили несколько сумок. Неподъемный хамон-иберико (с таким окороком в руках даже самый плюгавый Давид любому Гераклу Голиафом покажется), гигантская «таблетка» пармеджано-реджано (твердого, как камень, и тающего на языке с искрящимся хрустом, не передаваемым словами и не поддающимся подделке), баварские колбасы (ароматные, манящие, взятые списком, без разборю)... В самолете соседом оказался основательно наотмечавшийся Дед Мороз в украшенном снежинками тулупе и шапке, с накладной бородой.

– В Новогоднее чудо веришь? – дыхнуло мне в лицо кислым перегаром.

– Не суеверная.

– Верующая?

Перед внутренним взором возник «отец Григорий», отобравший у меня дочь. Я перестала играть в равнодушие, голос лязгнул металлом:

– Наоборот.

– Все во что-то верят. Не в Бога, так в экстрасенсов, в

деньги, в генеральную линию партии...

– Я верю в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.